

Корделия размышляла над своим выбором и размышляла, какой способ смерти ей следует предпочесть из тех немногих, что были доступны. Она все еще держала в руке меч, которым могла пощекотать или развлечь нематериального врага. Или могла умолять сохранить ей жизнь.

«Подождите!» — воскликнула она, меч выскочил из ножен и затрясся в ее дрожащей руке. «Разве я не из ваших, посланная сюда именно для вашей цели!»

Она не надеялась на милосердие, хотя и просила о нем, только на мгновение задержать или на то, чтобы сбить существо с толку достаточно долго для побега. Но серебряный шар не был остановлен какой-то совестью ради своего собрата. Он обрушился на нее. И она вспомнила сокрушительные боли в плоскости Мирового Змея, когда звезда поглотила и развратила ее душу.

Но в тот раз не расцвела боль. Она прошла сквозь нее, как призрак. Ее глаза были закрыты, чтобы блеск не ослепил ее. И все же она почувствовала прикосновение, легкое, как похлопывание по плечу. Так, что она вздрогнула. Но боли не было. Страх сотрясал ее сильнее, чем любой физический дискомфорт. И когда она осмелилась взглянуть, шар завис перед ней на уровне глаз.

Он издал свистящий звук. И последовательность этих звуков образовала высокий голос.

«Ты хорошо скрываешь свое присутствие, девочка», — сказал шар.

Вскоре свет померк, и в центре его показался ворон, белый как снег. «Какому Господу отвечать тебе?» — спросил ворон.

Губы Корделии задрожали, она едва могла поверить в крутой поворот своей судьбы. «Йормунганд, Повелитель Змей, если ты его союзник...» — пробормотала она.

«Ага, ты и вправду она! Этот квест наконец-то принес плоды!» — сказал он, прищулив черные миндалевидные глаза. «Я все думал, где ты можешь прятаться, и в какой степени, какой заговор разыгрывает Ёрмунганд. По правде говоря, я брожу здесь, пока мои братья пируют ради той самой возможности этой встречи».

«Кто ты? Ты pomoжешь мне?» Это начинало казаться слишком хорошим, чтобы быть правдой. «Чего ты ждешь от меня?»

«Ничего, девочка. Увы, сейчас не время и не место для бесед. И все же мы еще поговорим, прежде чем пройдет ночь, без сомнения. Конечно, если ты переживешь это испытание. А теперь, неужели ты не спросишь меня об одолжении?»

Одолжение? Она хотела жить. Убежать отсюда и обеспечить себе жизнь в каком-нибудь

мирном месте. Но была более насущная потребность.

«Спасите их», — умоляла она. «Спасите рыцаря и его сестру!»

«Ты просишь меня спасти ту, что подвергает опасности наш род», — хихикнул ворон. «Очень хорошо. Хочешь, чтобы эти брат с сестрой увидели еще один рассвет, отправляйся к ним поскорее, но не теряй ни секунды!»

Корделия обернулась. Но костер, должно быть, был почти побежден, потому что она не могла больше видеть его очертания, ни что-либо еще, поскольку все было черным как смоль, за исключением птицы перед ней. Также были приглушены шумы борьбы, что она была дезориентирована, не уверенная в направлении, в котором находится заброшенное здание.

Ее змеевидный фамилляр шевельнулся вокруг ее запястья. «Попробуй воздух, хозяйка», — услужливо сказал он.

Ворон издевался: "Мастема! Ты теперь служишь этому ребенку как фамилляр? Какой низкий позор для такого великого человека - пасть! Мы живем теперь в дурном веке!"

Даже когда змея возмущенно зашипела от оскорбления, Корделия неловко последовала странному указанию, слишком сбита с толку, чтобы спорить или удивляться кажущейся глупости поступка. Она раздвинула губы и высунула язык, пробуя воздух. Холод ночи, о котором она забыла в своем неистовом полете, теперь пронзил ее самый мягкий и чувствительный орган. И когда она попробовала непосредственно видимый холод, она также попробовала тонкие звуки, такие крошечные вибрации в воздухе, которые, казалось, соединялись и увеличивались в действия и движения, формируя яркие призрачные образы действий, которые ее низшие чувства были до сих пор слепы. И когда ее язык щелкал, измерения мира разрешались в мысленные формы, более ясные, чем все, что глаза могли видеть в темноте или дневном свете. И дважды эти образы приходили, воспринимая глубины так, как это могла бы сделать пара глаз; ибо близнецом был также этот орган, раздвоенный на своем конце, как большинство ее ползучих собратьев. И когда этот нечеловеческий, скользкий раздвоенный язык был втянут обратно под своды ее рта, она также поглотила ярко сформированную интерпретацию реальности. Нависающие ветви, влажная почва, вены глубоко под землей, твари, закопанные молодые деревца, застрявшие ветры, раздутые трупы, жар умирающего огня. Даже затяжной вкус давно умершего сумрака был виден ей. И она чувствовала кровь, и страх, и растущее отчаяние, и близкую меланхолию. Даже необъяснимые формы темных существ теперь стали понятными, как будто ее язык обхватывал эти рыскающие вещи целиком, лаская их очертания и природу и изучая их интимные функции. Так что как только она попробовала каждую их корявую конечность, гладкую чешую, ужасный голод и низменный инстинкт, она узнала их такими, какие они есть.

С этими усвоенными знаниями страх Корделии перед неизвестностью сразу исчез. Теперь она повернулась туда, где сражение приближалось к горькому концу. Новый фейский свет опасно сверкнул в ее глазах.

«Что мне делать?» — спросила она ворона.

«Я только что поставил на тебе метку», — сказал он, поднимаясь в воздух, словно подхваченный внезапным порывом ветра, — «И они потянутся к тебе так же, как ты потянулся ко мне на дороге фей. А теперь ты должен бежать. Послушай меня и беги туда, чтобы присоединиться к резне! Корделия фон Йормунганд, беги, сосредоточив мысли на своих надеждах и на своей добыче!»

И она побежала.

Ночь изменилась, переделалась до неузнаваемости. Это было похоже на перемещение по неосвещенной комнате, в которой ты прожил всю свою жизнь. Так что она инстинктивно знала, когда перепрыгивать через предательский корень на земле, или когда пригнуться, или когда ожидать нарастающего жара смертельной схватки.

Она обогнула дом, прорвалась сквозь линию деревьев и оказалась на высохшем пруду. Она мгновенно отметила то, что до этого было известно только кончиками ее языка. Полностью бронированный Деррик был побежден демонами на краю пруда, а Эсме хромала, прислонившись спиной к единственной неповрежденной стене.

Но если она или брат и сестра думали, что этих демонов мало, теперь множество которых теперь начало выходить на поляну. Раньше в их атаке было слабое подобие порядка, теперь его нет. Безумные вопли и ужасные звуки грохота и клыков, разрывающих плоть, заполнили даже их ряды, далекие от серьезного боя. Эти существа были движимы новым безумием, побуждены жаждой, которую даже их древний инстинкт не мог понять. И их влекло к Корделии, чья персона была как цель их существования, так что они сражались и рвали своих собратьев, чтобы добраться до нее.

Но ко всему этому, что она причитала при малейшем взгляде раньше, теперь она относилась с презрением. Ибо она знала их такими, какими они были на самом деле. Низкие и бездумные существа, лишь настолько же умные, как люди, на которых они охотятся, не более того. Ибо одна только тактика не делает достойного противника. Их величайшая сила была физической, но даже это не могло напугать Корделию. Ибо даже когда она попробовала на вкус природу этих низших фей, она узнала кое-что о странном вороне из прошлого. Не так много и все же достаточно, чтобы воспринимать его огромные знания как нечто, заслуживающее доверия. Если он послал ее сюда с планом, то она знала, что ее выживание может быть найдено только в следовании его инструкциям и ничем больше.

Итак, она ворвалась в высохший пруд и вошла в бойню.

Хаос процветал в массе этих адских тварей, но ее искушающее присутствие возбудило его до гораздо более ужасных размеров. Так что они топтали друг друга, отворачиваясь от Деррика, даже когда его почерневший клинок и лицо все еще неуклонно несли верную смерть их собратьям. Со всех углов поляны существа кружились и бросались на нее, сходясь и сдерживая натиск друг друга. Но она знала, что даже смятение и безумие в их рядах не смогут удержать

ее долго. Они навалились на нее, сражаясь друг с другом за ее плоть, и острые когти впились в ее конечности. Хотя смерть казалась неизбежной, а борьба бесполезной, и ее руку даже нельзя было поднять, рука Корделии держалась за меч, как она держалась за жизнь стиснутыми зубами раз за разом в этом мире.

Она увидела, как Деррик сбежал с поля боя. Полный решимости, он бросился бежать, чего его слабеющее тело едва могло себе позволить, затем остановился в центре пруда, к которому не смог приблизиться, будучи окруженным демонами. И там, на месте, он ударил мечом в землю с торжествующим выражением лица, словно это было брюхо ужасного змея. По правде говоря, это была та самая вскопанная земля, которую он подготовил перед боем. Там был зарыт кол. И ночь взорвалась святым светом.

Все темное и зловещее в высохшем пруду было сметено славным светом, очищено, словно паразиты, божественным растворителем.

Во время этого сильного жара Корделия на мгновение почувствовала, что ее хватка на благословенном мече ослабла. Сразу же жар резко впился в ее плоть. Но когда она рефлексивно сжала рукоять, эта боль быстро утихла. Она не смела снова отпустить зачарованное оружие.

Только когда свечение за веками исчезло, она осмелилась осторожно приоткрыть глаза. Там она обнаружила пустое, безлюдное место, кроме себя и Деррика.

Он растянулся на земле, полусидя, полулежа, его доспехи были помяты и выкрашены в черный цвет. Задышавшись, он посмотрел на нее с недоверием, его глаза говорили: «Твой глубоко безрассудный поступок спас нас всех!»

«Нет, ты это сделал», — хрипло сказала она с пересохшим горлом, — «и удачи».

«Нам повезло. Наши молитвы были услышаны».

«Это правда, — мрачно подумала Корделия, — только не ради твоего бога».

Деррик вскочил на ноги. Хотя его помятая броня и тело протестовали, стонали и гримасничали, он заставил свои конечности двигаться к зданию. Страх затмил его глаза, то, что даже атака демонической армии не смогла вызвать в нем.

Корделия последовала за ним, слишком измученная, чтобы думать или бояться того, что она могла найти.

Огонь в основном был рассеян расползающимися горящими головнями. То, что осталось от стоящего крыла здания, теперь было опасно близко к тому, чтобы рухнуть, его стены были проломлены во многих местах швыряемыми телами, которых больше не было. Была только

Эсме, которая прислонилась к размазанной алой стене. Звериная черная кровь окрасила ее так же, как и ее брата. Ее лицо, угрюмое и невидимое, было неподвижно опущено вниз. И по всему хрупкому телу были разбросаны порезы и рубцы и следы от клыков и когтистых ран, так что Корделия должна была подумать, что это ложь, что живой человек может вынести так много. И все же она дышала, очень тихо.

«Найди мой рюкзак», — приказал Деррик.

И пока Корделия ползла к нему на своих ноющих и хромающих ногах, он присел рядом с сестрой и прошептал: «Она жива», — словно подтверждая это вслух.

Корделия нашла рюкзак наполовину зарытым в щебень. Существа в темноте не имели аппетита к здоровой пище и поэтому не прикоснулись к нему. Когда она вернулась с рюкзаком, Деррик положил Эсме. Дыхание девушки было таким тихим, что Корделия задумалась, не шевелились ли ее груди, и не было ли это только ее воображение и воображение Деррика. Тем не менее она в спешном молчании передала рыцарю его рюкзак. И затаив дыхание, она наблюдала, как он развязывает рюкзак и добывает какие-то мази и простые лекарства.

Она сомневалась, что простая первая помощь действительно сможет спасти жизнь девочки.

Но Деррик откинулся назад и, разорвав в клочья одеяло, вытащенное из сумки, попросил Корделию помочь ему перевязать раны сестры.

Затем ее беспокойство переключилось на него, и она обнаружила, что из разщелин его доспехов при каждом движении сочится кровь.

«Позаботься и о себе, — сказала она, — а сестру свою предоставь мне».

Но он покачал головой: «Я буду жить. Смерть не забрала ее, но она ждет». И добавил, как будто почувствовав себя неубедительным: «Ее жизнь важнее».

Для кого-либо другого, для Корделии, если бы она не знала того, что знала она, то, что он сказал, показалось бы не более чем словами любящего брата. Но зная, что она сделала, Корделия мгновенно оценила серьезность его заявления, в которое он всем сердцем верил, и по еще большей причине, чем братская привязанность, хотя и она играла немалую роль. Так что он знал природу своей сестры. И она начала догадываться о причине, по которой братья и сестры прятались так глубоко в лесу.

В конце концов раны Деррика не оставили ему иного выбора, кроме как предоставить заботу об Эсме Корделии, поэтому он с гримасой боли откинулся назад и начал снимать доспехи.

Она не осмелилась сказать, что плохо наложила повязку. Но то ли из-за ее неуклюжей работы, то ли из-за травяной мази, то ли из-за какой-то врожденной целительной способности Эсме,

кровь в конце концов перестала капать, и потерявшая сознание девушка погрузилась в беспокойный сон. Только тогда она промыла глубокие порезы на руках тем небольшим количеством воды, что осталось после лечения Эсме, и крепко перевязала их кусками, оторванными от ее юбки. Это был тот, с которым она проснулась в этом мире, теперь это было лишь рваное дело, едва держащееся вместе.

Когда позже она вернулась с другими рюкзаками, которые были разбросаны во время боя, Деррик уже сидел у нового костра. Он обработал свои раны и, за исключением фиолетового синяка на лице и руках, казался здоровым. Думая, что это действительно странно, конституция рыцарей в этом мире, она достала для них обоих такую еду, хранившуюся в ее рюкзаке.

И вот, не испытывая особого аппетита, она поделила трапезу с рыцарем и слушала его рассказ о том, как он давно знал об этом заброшенном доме и закопал кол в этом пруду именно с целью последнего сопротивления в худшем случае. За эти годы кол собрал в земле крошечные остатки святой энергии, что стало возможным только благодаря искусству, которому рыцарь научился в дни своего оруженосца у могущественного волшебника в обмен на оказанную услугу.

Ничто из этого не имело для нее особого значения, кроме того, что странный ворон знал все это и помог им осуществить план слишком гладко. Если бы Деррик активировал ловушку слишком рано, за пределами поляны было бы слишком много демонов, чтобы эта ловушка могла закончить битву. И если бы не метка, которую ворон оставил на Корделии, у него никогда бы не было возможности активировать ее в первую очередь. Всего этого рыцарь не мог предположить, но он приписал эту удачу божественному вмешательству главного бога его религии, что, возможно, было достаточно близко к истине, хотя и в неправильном направлении.

Не обладая большой верой в этого Доброго Бога, Корделию терзали тревожные вопросы, и главным образом касающиеся натуры этого ворона.

Он не объявил о себе, и она мало что знала, кроме того, что он был таким же фейри, как и она, и искал ее с определенной целью. Обещание беседы позже этой ночью эхом отдавалось в ее ушах. И она с тревогой ждала этого события. Даже когда истощение подкралось к ней и она медленно погрузилась в сон, она ждала. В ее последнем воспоминании перед сном Деррик все еще сидел на своем бдении, наблюдая за ночью и своей сестрой, беспокоясь о худшем и молясь о лучшем.

Когда она проснулась, было, наверное, полночь. Деррик задремал, прислонившись к стене рядом с сестрой. Эсме покраснела и приобрела более здоровый цвет лица.

Это обрадовало Корделию сонным облегчением, и она снова приветствовала дремотные объятия. Но как раз в этот момент ее запястье сильно потеряли. Далекий голос раздался в ее голове. Снова проснувшись, она уставилась на змею у своего запястья. Красные кристалльные глаза уставились на нее с предельной настойчивостью.

«Не время спать, госпожа, — прошипел он, — наш господин желает вашего присутствия».

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4451978>